

**РЫНЧИНО М. Н. — ПЕШКОВОЙ Е. П.
РЫНЧИНО М. Н. — ЕЖОВУ Н. И.**

РИНЧИНО Альбек-Дорджи, родился в 1888. Получил высшее образование. Советник монгольского правительства, председатель Революционного военного совета, члена президиума ЦК Монгольской Народно-революционной партии. С 1929 — доцент политэкономии монголо-тувинской секции Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве. Женат на Марии Николаевне Ринчино, в семье — трое детей. 19 июня 1937 — арестован, 1 июля отправлен для дальнейшего следствия в Иркутск как «участник антисоветского и панмонгольского движения». Приговорен к высшей мере наказания и расстрелян¹.

РИНЧИНО Мария Николаевна, родилась в 1890-х. Получила высшее образование. С 1929 — младший научный сотрудник НИИ физиологии в Москве. Вышла замуж за Альбек-Дорджи Ринчино, в семье — трое детей. После ареста и осуждения мужа ее с детьми выселяют из комнат в общежитии. В начале января 1938 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<6 января 1938>

«Лично

Е. П. Пешковой

М. Н. Ринчино, прож<ивающей>
в Москве, пл<ощадь> Пушкина,
д<ом> № 3, кв. 27-29

Заявление

19/VI-37 г<ода> органами НКВД был арестован мой муж, Ринчино Эльбек-Дорджи, — кандидат ВКП (б), доцент политэкономии Монголо-тувинской секции К<ого> У<нивер а> Т > В >, орденоносец.

1-го июля Ринчино был направлен в гор<од> Иркутск для следствия. На мои заявления о присылке доверенности мною 27-го августа, через У<правление> НКВД ВСО, III отделение, была получена доверенность на получение жалования за 2 м<еся>ца в сумме 1500 р<ублей> и доверенность на выкуп вещей из ломбарда.

Но присланная доверенность на получение денег оказалась недействительной, так как деньги были переведены из бухгалтерии КУТВ в сберкасса № 146.

На мои новые заявления прокурору У<правления> НКВД мною 30-го октября была получена 2-я доверенность на получение денег в сберкассе № 146. К доверенности была приложена записка от следователя, что высылается требуемая доверенность и деньги 100 р<ублей> (высланные мною телеграфом мужу в сентябре м<еся>це) получены. По этой второй доверенности я получила только 500 р<ублей> с разрешения н<ачальни>ка главного Управления Сберкасс тов<арища> Солина, который разрешил мне получить их "ради детей и ради праздника" (деньги были получены 5-го ноября), а остальную сумму — 1000 р<ублей> мне отказались выдать без сберкнижки. Доверенность осталась в У<правлении> сберкасс № 5287, у меня-же на руках осталась только расписка.

Сберкнижка, очевидно, находится в следственном деле (вся сумма на

¹ Э.Д. Ринчино и формирование государственности... [dissercat.com>content/e...rinchino...](http://dissercat.com/content/e...rinchino...)

сберкнижке равнялась 10 рублям) и, несмотря на мои неоднократные заявления (писала 7 заявлений) о присылке сберкнижки или доверенности на получение сберкнижки или доверенности на получение дубликата сберкнижки, — я до сих пор не получила ответа.

В настоящее время я вообще не знаю, где находится мой муж.

Одновременно с первой доверенностью, т<о> е<сть> 27-го августа, мною был получен список вещей, необходимых ему (он был взят в одном летнем костюме). 30-го августа я собрала по списку вещи и отправила на адрес гор<ода> Иркутск <в> У<правление> НКВД III отделение. 15-го ноября вещи прибыли обратно "за выбытием адресата". Между тем, как 2-я доверенность была написана 27-го сентября, и записка от следователя была датирована от 13-го октября 37 г<ода>. Вещи же, судя по штампам, прибыли в Иркутск 12-го сентября, так что мой муж еще находился в Иркутске, и непонятно, почему вещи не были получены.

2-го ноября я выслала телеграфом 100 р<ублей>. Эти деньги прибыли 11-декабря обратно ввиду того, что "не явились за ними".

На мои заявления прокурору НКВД в Москве и прокурору У<правления> НКВД гор<ода> Иркутска относительно того, где находится мой муж, кончилось ли следствие, — до сих пор нет ответа.

Пошел уже 7-й месяц, и семья ничего не знает о нем.

Я глубоко убеждена в том, что мой муж, прошедший большой революционный путь с 1905 г<ода>, один из пионеров монгольской народной революции — никогда не был изменником и предателем и никогда не будет им. Я также глубоко убеждена в том, что наши следственные органы разберутся, где правда и где ложь. Его дело разбирают большевики, и рано или поздно человек вернется к творческой работе и к семье. Но здесь вопрос стоит о его семье. Я осталась с тремя детьми-школьниками в возрасте — 16 лет, 14 лет и 12 лет, они отлично учатся, хорошие общественники, пионеры, сознательные, хорошие ребята.

Я работаю мл<адшим> научным сотрудником в Н<аучно-И<следовательском> Ин<ститу>те физиологии, получаю 290 р<ублей> в м<еся>ц. 2 года страдаю острым неврозом, лечусь в психоневрологическом диспансере, двое детей состоят на учете в туб<еркулезном> диспансере, и нас выселяют из квартиры, где мы прожили 9 лет.

Районный суд удовлетворил иск КУТВ о выселении меня с детьми на том основании, что "помещение было предоставлено мужу в связи с работой, в настоящее время муж ответчицы, арестованный органами НКВД, ответчица не имеет связи с КУТВ, а посему выселить ее со всеми тремя детьми 1-го марта".

Мои заявления о том, что я сама являюсь полноправной гражданкой СССР, что я и дети больны, что мне некуда выселиться, т<ак> к<ак> у меня нет ни денег, ни родных, что дом, где я живу, на 98% заселен жильцами, не имеющими никакого отношения к КУТВ, и я с детьми не являюсь исключением, — не помогли.

Мне некуда деваться с детьми. Свое детство — я и мой муж — провели мы в беспросветной нужде и работе. Я стала человеком только благодаря Советской власти, и передо мной сейчас стоит перспектива очутиться на улице с детьми, оторвать их от учебы, встанет вопрос и о моей работе. Куда мне идти, куда девать мне детей? Помогите мне. Прошу Вас узнать, где находится мой муж Ринчино Эльбек-Дорджи, закончилось ли следствие. Может быть, до решения суда по делу моего мужа оставят детей его нормально жить и учиться, и мне нормально работать.

Мария Ринчино

6/1-1938 г<ода>.

Примечание: Юрист-консульт<ант> Союза В<ысшей> Ш<колы>, с которым я консультировалась, подчеркнул важность того, ведется ли еще следствие или оно закончено уже, для решения вопроса о выселении семьи из квартиры»².

К письму Марии Ринчино была приложена копия ее заявления к наркому Н. И. Ежову.

<10 января 1938>

«Копия

НКВД, тов<арищу> Ежову

М. Н. Ринчино, мл<адшего>
научного сотрудника
Н<аучно>-И<следовательского>
ин<ститу>та физиологии

Заявление

7 м<еся>цев тому назад 19 июня 1937 года был арестован мой муж Ринчино Эльбек-Дорджи — кандидат в ВКП(б), орденосец, один из пионеров и участников Монгольской Народной революции, научный работник, доцент м<онголо>-т<увинской> секции К<ого> У а> Т > В >. 1-го июля 1937 года он был направлен в Иркутск для следствия, и с тех пор я о нем ничего не знаю. В свое время я писала вам о нем подробно. Но в настоящем заявлении дело идет о его семье. За него я спокойна. Его дело разбирают большевики-ленинцы, сталинцы. Человек рано или поздно вернется к творческой работе. Эта уверенность еще больше окрепла у меня, когда я прочитала в "Правде" от 18-го сентября 1937 года и в других номерах "Правды" относительно разоблаченных шпионов, вредителей и укрывателей этих гадов. Эти люди — Ербанов, Шолупов, Иванов, Дондобон и др<угие> прикрывали настоящих врагов народа, сами в корне были чужды Советской власти и показывали свою "бдительность" на моем муже. Я осталась с тремя детьми — 16 лет, 14 лет и 12 лет. Они отлично учатся, активные пионеры, сознательные хорошие ребятки. Я сама являюсь полноправной гражданкой Союза. Высшее образование дала мне Советская власть, и я стала человеком только благодаря Советской власти. Гражданских прав у меня никто не отнимает, но у меня их попирают на том основании, что у меня арестован муж. КУТВ подал на меня в суд о выселении. Нар<одный> суд вынес решение выселить меня 1-го марта на том основании, что арестован муж. Касс<ационная> коллегия М<осковского> Г<ородского> Суда оставила в силе решение нар<одного> суда с отсрочкой выселения до 1-го июня. Но это не выход из положения. Мне некуда выселиться, у меня нет денег, чтобы найти комнату за городом, уехать мне некуда, так как я по своей специальности могу работать только в Москве. У меня острое нервное заболевание, двое детей туберкулезных. Мне некуда с ними идти.

Дом, где я живу не является студенческим общежитием (как мотивировал истец). Из 40 комнат только 4 комнаты заняты сотрудниками КУТВ, а в остальных — когда-то люди в КУТВ работали, а потом ушли на другую работу, и суд выносил решение — выселить их с предоставлением равноценной жил<ищной> площади. Почему я должна быть исключением? Только потому, что мой муж арестован? Нет, — я такая-же полноправная гражданка, как и все жильцы 36 квартир. Суд и К<ассационная>

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1662. С. 142-144. Автограф.

К<оллегия>, выслушав меня, не заинтересовались в достаточной мере по существу вопроса, а подошли формально.

Принимая во внимание все вышеизложенное, прошу Вас, тов<арищ> Ежов, помочь мне в том, чтобы оставили меня хотя бы в одной комнате, не выселяли бы меня с тремя детьми из комнаты, и дали бы возможность детям спокойно окончить учебу, и мне нормально работать. Дети должны быть полноценными Советскими гражданами. Они не должны отвечать за отца.

Мария Ринчино.

Москва, площадь Пушкина, проезд Скворцова-Степанова, дом № 3, комнаты № 27 и 29

10/1-1938 г<ода>»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1662. С. 141. Автограф.